

Владимир Кожевников

Звёзды в долг

Владимир Кожевников

Звёзды в долг

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Звёзды в долг / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Капитан-банкрот Логвин Корсаков и его дряхлый буксир «Непотопляемый» берутся за сомнительный контракт: перегнать к системе Тау Кита ковчег с тремя тысячами колонистов-мечтателей. Их цель — планета Обетованная, terra nullius, новый дом. Но на месте дикого рая поселенцы находят заброшенный инопланетный механизм, который начинает пробуждаться. То, что поначалу кажется руиной, оказывается фабрикой, перерабатывающей не материю — а само сознание. Логвин понимает: он привёз людей в ловушку. Теперь ему, его экипажу, раздираемому страхом и амбициями, и сыну лидера колонистов предстоит невозможное — вырвать три тысячи душ из паутины чуждого разума, даже если ради этого придётся пожертвовать всем.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Непотопляемый» идёт ко дну	5
Глава 2. Пробуждение фабрики	7
Глава 3. Те, кто слышат шёпот	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Кожевников

Звёзды в долг

Глава 1. «Непотопляемый» идёт ко дну

Логвин Корсаков не спал. Уже третьи сутки он лежал в гамаке, подвешенном поперёк капитанской рубки, потому что койка сломалась, а чинить её было не на что. Вместо подушки — скатанный парадный китель с выцветшими нашивками. Гравитация «Непотопляемого» пошатывалась, и гамак мерно раскачивался, словно маятник, отсчитывающий последние часы его свободы. В воздухе висел запах палёной изоляции — старый корабль медленно пожирал сам себя, и Логвин чувствовал, как этот запах смешивается с чем-то ещё. Не ложью. Скорее, с горьким предчувствием.

Терминал на переборке горел багровым. Там высвечивался не просто столбик долгов, а трёхмерная голограмма паука-кредитора, которая методично сжимала лапы вокруг названия корабля. Банкротство было не абстрактной угрозой — оно имело форму, цвет и даже синтезированный голос, равнодушно зачитывающий пункты конфискации. Именно поэтому три дня назад, когда на связь вышел человек с лицом библейского пастуха и голосом, обволакивающим, как патока, Логвин сказал «да».

Элиас Вэнс не торговался. Он просто предложил цену, которая перекрывала три четверти долга. За перегон списанного колониального транспорта «Ковчег» к незарегистрированной планете в системе Тау Кита. «Terra nullius, — произнёс Вэнс с благоговением. — Ничья земля, дарованная нам свыше. Мы назовём её Обетованной». Логвин тогда хмыкнул: он знал, что «ничья» обычно означает «никем не исследования до конца», и это пахло проблемами. Но паук на терминале сжимался, и капитан подписал контракт.

— Капитан, ты бы хоть умылся, что ли. — В дверном проёме, затянутом силовой плёнкой, стояла Мира Кейн. Рыжие волосы, собранные в тугий узел, блестели от машинного масла. Её серые глаза, казалось, просвечивали Логвина насквозь, как дефектоскоп. — У нас гравикомпенсатор сдыхает. Если не перезапустить калибровку до стыковки, мы «Ковчег» не удержим. А если удержим чудом, то при прыжке он размажет нас по переборкам. И знаешь, что? По-моему, это знак, что не стоило брать этот заказ.

Логвин спустил ноги с гамака, упёрся босыми ступнями в холодную палубу.

— Уже поздно, Мира. Контракт подписан.

— Контракт можно расторгнуть. Ты же сам говорил, что Вэнс — фанатик, а его «Обетованная» — кот в мешке.

— Я говорил. — Капитан потёр переносицу. — Но кредиторы не услышат моих сомнений. Им нужны деньги. Нам нужен рейс.

В коридоре послышались шаги, и в рубку бесшумно скользнула Тали. Юный навигатор — ей недавно исполнилось девятнадцать — обладала редким даром чувствовать гравитационные аномалии. Сейчас её огромные карие глаза были подёрнуты дымкой, а на смуглых скулах проступил лихорадочный румянец.

— Капитан, я просчитывала вектор и опять поймала сигнал. — Она запнулась. — Это... не помехи. Это резонанс из системы Тау Кита. Похож на колыбельную, но слова на неизвестном языке. И хуже того: когда я направила на него декодер, мне показалось, что оно произнесло моё имя. Ну, почти. Оно пропело звук, который резонирует с частотой моего позывного.

Мира и Логвин переглянулись. Механик шагнула к пульту и вывела спектрограмму сигнала. В низкочастотной области действительно пульсировала странная волна, похожая на дыхание спящего гиганта.

— Запиши и заархивируй, Тали, — распорядился Логвин. — И держи наготове анализатор. Мира, что с компенсатором?

— Я перезапущу калибровку по резервному контуру. Это риск: если контур не выдержит, мы останемся без гравитации в прыжке.

— Другого выхода нет?

— Другой выход — отказаться от рейса, — с нажимом сказала Мира, глядя капитану в глаза.

Логвин выдержал её взгляд.

— У нас есть два часа. Делай, что можешь.

Час спустя «Непотопляемый» — древний буксир, чьи обводы напоминали не корабль, а вытянутую летучую рыбу с облупившейся чешуёй термозащиты, — осторожно приблизился к «Ковчегу». Транспорт поражал воображение: колоссальная туша с пустыми глазницами двигательных секций, внутри которой, в криогенных саркофагах, спали три тысячи колонистов. Они поверили пророку. Они продали свои дома, отказались от прошлого и теперь парили на грани небытия, доверив свои жизни капитану-банкроту и его скрипучему корыту.

На экране возникло лицо Элиаса Вэнса. Седая борода, пронзительные синие глаза с искрами фанатичного огня.

— Капитан Корсаков, благословляю ваш путь. — Пророк чуть помедлил, как будто подбирая веское слово. — Помните: вы ведёте не просто транспорт. Вы... (пауза, лёгкая полуулыбка) ведёте надежду человечества.

— Я веду груз, — сухо ответил Логвин. — Не больше.

Улыбка Вэнса стала шире, и капитану показалось, что в синих глазах промелькнуло что-то похожее на жалость. Связь прервалась.

Буксировочные лучи захватили «Ковчег». Весь корпус «Непотопляемого» застонал от перегрузки. Гравикомпенсатор взвыл на высокой ноте, и Логвин на мгновение взлетел над палубой, успев схватиться за подлокотник. Невесомость исчезла так же резко, как появилась, — на пульте зажёгся зелёный индикатор: Мира переключила систему на резервный контур. Связь пискнула её голосом:

— Капитан, компенсатор держится, но прыжок даст предельную нагрузку. Мы идём по краю.

— Принял, — выдохнул Логвин. — Тали, курс?

— Тау Кита, господин капитан. — Девушка склонилась над навигационной консолью. Её пальцы дрожали. — Сигнал... он опять изменился. Теперь это не колыбельная. Это похоже на приглашение.

Логвин ощутил, как волосы на затылке встают дыбом.

— На чьё имя?

— На наше, капитан. На всех, кто на борту.

В рубке повисла тишина, нарушаемая лишь басовитым гулом маршевых двигателей. Логвин Корсаков посмотрел на звёзды, и они показались ему не безмолвными, а терпеливыми. Звёзды, которым он задолжал гораздо больше, чем значилось в банковских реестрах. Звёзды, которые готовы были взыскать долг.

— Прыжок через десять минут, — сказал он. — Всем занять места согласно расписанию. И пусть этот чёртов пророк молится за всех нас.

«Непотопляемый» дрогнул, увлекая за собой спящий ковчег, и пространство перед ним начало сворачиваться в тоннель.

Глава 2. Пробуждение фабрики

Переход из прыжка всегда ощущался Логвином Корсаковым как удар под дых. Пространство схлопнулось за кормой, и «Непотопляемый» вывалился в систему Тау Кита, содрогаясь каждой балкой, каждым шпангоутом. Резервный контур гравикомпенсатора, который Мира переключила перед стартом, выдержал чудом — позже механик доложила, что изоляция оплавилась и дымилась, но не отключилась. Ещё чуть-чуть, и они бы превратились в размазну по переборкам.

Когда вибрация улеглась, Логвин отстегнул страховочные ремни и впился взглядом в главный экран. Увиденное заставило его забыть о ноющей боли в груди. Звезда Тау Кита сияла странно — тускло, будто её диск затянула прозрачная кисея. Эффект был едва уловимый, но капитан сразу понял: со звездой что-то не так. А потом он перевёл взгляд на планету и забыл о звезде.

Обетованная не походила ни на один мир из тех, что ему доводилось видеть. Это не был серый шар с металлическим блеском. Это был шар, оплетённый серебристой сетью, напоминавшей кровеносную систему какого-то планетарного гиганта. С орбиты отчётливо просматривались паутинообразные структуры, покрывавшие целые континенты. Они пульсировали — медленно, ритмично, с периодом примерно в десять секунд, — и в этом пульсе чудилось дыхание. Планета была жива. Или, что хуже, механически активна.

— Мира, сенсоры! — Голос Логвина прозвучал хрипло.

Старший механик уже колдовала над пультом, её пальцы летали по сенсорам с отточенной скоростью. Рыжий узел на затылке подрагивал.

— Планета земного типа. Кислородно-азотная атмосфера, двадцать три процента кислорода. Температура на экваторе — двадцать пять по Цельсию. Сила тяжести — девяносто три процента от стандарта. Всё как в рекламном буклете. Но... — она сделала паузу, вглядываясь в данные, — под поверхностью я фиксирую колоссальную металлическую массу. Это не рудные залежи, капитан. Это обработанный металл. Сплав на основе титана, платины и ещё восьми элементов, которые спектрограф вообще не может идентифицировать. И энергетическая сигнатура. Слабая, фоновая, но она есть. Там что-то работает на холостом ходу.

— Вэнс клялся, что планета — «terra nullius», ничья земля, — сказал Логвин. — Он не упомянул, что она чья-то.

— Может, он не знал?

— Знал. — Капитан потёр переносицу. — Я пересматривал запись переговоров. Когда он говорил о снах, которые посылала ему Обетованная, у него зрачки расширялись. Он знал, что там что-то есть. Просто интерпретировал по-своему.

Связь ожила. На главном экране возникло лицо Элиаса Вэнса — на этот раз пророк был облачён не в церемониальные белые одежды, а в практичный комбинезон с эмблемой «Детей Обетованной»: стилизованная спираль, уходящая в бесконечность. Его синие глаза сияли.

— Капитан Корсаков! Поздравляю с успешным прибытием. Мы начинаем разогрев криокапсул. Первая партия из ста пятидесяти колонистов будет готова к высадке через шесть часов. Я хочу, чтобы вы лично присутствовали на церемонии Первого Шага.

— Церемонии? — недоверчиво переспросил Логвин.

— Мы должны освятить эту землю. Ступить на неё с верой и благодарностью. Обетованная ждала нас тысячелетия, и мы не можем осквернить встречу небрежностью.

Логвин переглянулся с Мирой. Та едва заметно покачала головой, и в её серых глазах читалось: «Я же говорила».

— Господин Вэнс, — сказал капитан, тщательно подбирая слова, — как капитан буксира, обеспечивающего безопасность вашего транспорта, я обязан предупредить. Сенсоры «Непо-

топленного» фиксируют под поверхностью планеты обширные металлические конструкции неизвестного происхождения и фоновую энергетическую активность. Это не безжизненный мир. Высадка может быть сопряжена с риском. Я рекомендую отложить её до проведения детального сканирования.

Вэнс улыбнулся. У него была улыбка человека, который знает нечто, недоступное другим, — мягкая, но непоколебимая.

— Капитан, то, что вы называете риском, мы называем даром. Я видел это во снах. Я слышал голос, который пел мне. И вот мы здесь. Обетованная ждала нас. И мы не повернём назад.

— Но...

— Решение принято, капитан. — Тон пророка стал твёрже. — Это наш мир. Мы пришли сюда навсегда. Ваша задача — обеспечить буксировку и поддержку с орбиты. Ни больше, ни меньше.

Экран погас.

— Он сумасшедший, — констатировала Мира.

— Он заказчик, — отрезал Логвин. — И у нас контракт. Тали! Что с сигналом, который ты поймала до прыжка?

Он обернулся к навигационной консоли. Тали сидела в своём кресле, сгорбившись и прижимая к ушам наушники. Когда капитан назвал её имя, она вздрогнула и обернулась. Её огромные карие глаза были полны страха и чего-то ещё — похожего на болезненное любопытство.

— Сигнал... изменился, — прошептала она. — Капитан, это больше не колыбельная. Это... симфония. Полноценный язык. Он обрастает структурой, грамматикой. Я не могу перевести, но я чувствую интонацию. Это приказ, капитан. Или, скорее, протокол. Как будто компьютер загружает программу.

— Программу чего?

— Не знаю. Но в ней есть адресат. Она обращена ко всем, кто способен её воспринять. — Тали содрогнулась. — И она... гостеприимна. Это самое страшное. Она звучит как приглашение на пир.

Логвин сжал подлокотники. Ему хотелось развернуть корабль и уйти в прыжок, но он знал, что это невозможно — и из-за контракта, и из-за долгов, и из-за того, что Вэнс всё равно высадился бы, даже если бы буксир отстыковался. Колонисты верили ему безоговорочно.

Шесть часов спустя «Непотопляемый» занял низкую орбиту. С такого расстояния серебряная сеть была видна ещё отчётливее — теперь можно было различить узлы, в которых сходились линии, и эти узлы напоминали синапсы гигантского мозга. Логвин смотрел на это и чувствовал себя букашкой, ползущей по шкуре Левиафана.

Челноки отделились от «Ковчега» один за другим. Они входили в атмосферу, оставляя за собой огненные хвосты, и опускались на равнину в северном полушарии — туда, где, по расчётам Вэнса, находился «центр святости». Логвин видел на экранах, как колонисты выходят на поверхность. Сто пятьдесят мужчин, женщин, детей. Они жмурились от солнечного света, оглядывались, вдыхали воздух. Их голоса в канале связи звучали радостно, даже эйфорично.

А потом один из них — мальчик лет десяти — наклонился, сорвал пучок фиолетового лишайника и поднёс его к лицу. И в этот момент планета изменилась.

Лишайник в руках мальчика вспыхнул — не огнём, а тем же серебристым светом, что пульсировал в сети. Вспышка была мгновенной и безболезненной. Свет перекинулся на руку, на плечо, на всё тело. Мальчик закричал — не от боли, от изумления, — и в тот же миг сеть под ногами колонистов пробудилась.

Земля пошла волнами, как водная гладь. Из-под фиолетового мха начали подниматься конструкции — но не так, как поднимаются механизмы. Они вырастали, словно кристаллы в ускоренной съёмке: грани, треугольники, пирамиды, купола — всё геометрически безупреч-

ное, всё из серебристого, переливающегося материала, который, казалось, поглощал свет и отдавал его обратно в виде мягкого сияния.

И всё это происходило в абсолютной тишине. Ни скрежета, ни грохота. Лишь низкий гул, от которого вибрировали зубы и что-то смещалось внутри черепа.

— Капитан! — закричала Тали. — Сигнал! Он вырос в тысячу раз! Он идёт от конструкций! — Она сорвала наушники и зажала уши ладонями, но это не помогало. — Он у меня в голове! Он... поёт моим голосом! Нет! Он поёт мной! Как будто я — инструмент!

Мира бросилась к ней, схватила за плечи. Логвин переключил внимание на экран, транслирующий картинку с поверхности. Колонисты застыли. Кто-то упал. Кто-то замер в молитвенной позе. А Элиас Вэнс медленно, словно во сне, опустил на колени. Его лицо было залито слезами, но он улыбался.

— Ты пришло, — прошептал он, и микрофоны челнока донесли этот шёпот до мостика. — Оно пришло. Я знал. Я всегда знал.

Конструкции продолжали расти. Теперь они образовали нечто похожее на гигантский собор под открытым небом — нефы, апсиды, контрфорсы, — но вместо камня и стекла была та же серебристая плоть, что и у сети. А в центре собора, прямо над фигурой коленопреклонённого пророка, начал формироваться шар. Идеальная сфера из чистейшего света. Она вращалась, и от неё исходило тепло, волнами расходящееся по равнине.

— Мира, данные! — рявкнул Логвин.

— Энергетическая сигнатура зашкаливает! — Механик оторвалась от Тали и метнулась к своему пульту. — Нейтринный поток! Гравитационные волны! Капитан, эта штука искажает пространственно-временной континуум! Это не генератор, не реактор, это что-то иное. И... — Она запнулась. — Я фиксирую воздействие на альфа-ритмы. Частота волн совпадает с частотой мозговой активности человека в состоянии медитации или гипнотического транса.

— Терраформирование сознания! — выдохнул Логвин. — Оно перестраивает не планету. Оно перестраивает разум.

— И челноки, — добавила Мира убитым голосом. — Смотри.

Капитан посмотрел. Челноки, стоявшие на равнине, начали покрываться тем же фиолетовым свечением, что и лишайник. Металл менялся — он перетекал, перестраивался, становился частью серебряной сети. Обратного пути не было. Люди на поверхности были отрезаны от орбиты.

Логвин врубил аварийный канал:

— Вэнс! Уводите людей! Это ловушка! Немедленно возвращайтесь в челноки!

Но пророк не слушал. Он поднялся с колен и пошёл к светящейся сфере. Его движения были плавными, загипнотизированными. За ним, покачиваясь, двинулись другие колонисты — не все, но большинство. И тут Логвин увидел на экране лицо мальчика, который первым коснулся лишайника. Мальчик улыбался, и его глаза светились тем же серебристым светом.

— Тали, — позвал капитан, не оборачиваясь. — Что оно говорит сейчас?

Навигатор подняла голову. Из её носа текла кровь, но взгляд был осмысленным.

— Оно говорит: «Придите. Слейтесь. Станьте».

— Станьте чем?

— Станьте... нами. — Тали перевела дыхание. — Это не оружие, капитан. Это... это дверь. Или скорее, улей. Оно хочет, чтобы мы вступили в него. Добровольно.

— Добровольно? — Логвин невесело усмехнулся. — Это не добровольно, если альфа-ритмы подавлены.

— Оно не знает разницы. — Тали всхлипнула. — Оно не злое. Оно просто... чуждое. Для него сознание — это материал. Как для нас глина.

Логвин повернулся к Мире. Их взгляды встретились. В этот момент между ними не было разногласий — только холодное, ясное понимание того, что ситуация вышла из-под контроля.

— Нужно сажать «Непотопляемый» на поверхность и вытаскивать людей, — сказал капитан.

— Ты спятил! — Мира шагнула вперёд. — «Непотопляемый» не рассчитан на посадку в атмосфере, да ещё в условиях гравитационных аномалий! Мы разобьёмся!

— У нас есть шанс. Если я посажу корабль на равнину за пределами сети, мы сможем...

Договорить он не успел. Шар в центре инопланетного собора вспыхнул ослепительным светом, и связь с поверхностью прервалась. На всех частотах воцарилась тишина — глубокая, звенящая, нарушаемая лишь биением собственного сердца. Логвин смотрел на экран, где застыл последний кадр с поверхности: лицо Элиаса Вэнса, беззвучно шевелящиеся губы, и серебряный свет, заливающий всё вокруг.

— Он сказал... — прошептала Тали. — Я прочитала по губам. Он сказал: «Свершилось».

Логвин опустился в капитанское кресло. Его руки дрожали.

— «Непотопляемый», — проговорил он в пустоту. — Ты назван в честь лжи. Потому что мы только что утонули.

Мира подошла и встала рядом. Она ничего не сказала, просто положила ладонь ему на плечо. И в этом жесте было больше понимания, чем в любых словах.

Глава 3. Те, кто слышат шёпот

Тишина была хуже любого крика.

Два дня «Непотопляемый» висел на низкой орбите, и все попытки пробиться сквозь серебристую пелену, окутавшую место высадки, заканчивались одним и тем же: белым шумом и низкочастотным гулом, от которого ныли зубы. Логвин почти не спал. Он сидел в рубке, в своём гамаке, и смотрел на планету, пульсирующую, словно живое сердце. Или как бомба с часовым механизмом.

Мира вошла без стука — она никогда не стучала. Её рыжие волосы были распущены, что само по себе служило тревожным знаком: механик распускала свой вечный тугой узел, только когда ситуация окончательно выходила из-под контроля.

— Я собрала экипаж, — сказала она без предисловий, голосом сухим, как наждак. — Мы обсудили ситуацию. Двадцать три человека из тридцати требуют немедленного прыжка в любую точку, кроме этой проклятой системы.

Логвин медленно повернулся. Его глаза покраснели от недосыпа, на подбородке пробила щетина.

— «Непотопляемый» — не парламент, Мира. Здесь капитан я.

— Капитан, который ведёт нас ко дну. — Она шагнула ближе, и в её серых глазах Логвин увидел не гнев — страх. — Логвин, посмотри правде в лицо. Ты видел, что стало с челноками. Ты видел, как эта штука перестраивает материю на атомарном уровне. Мы не можем помочь тем, кто на поверхности. Мы можем только повторить их судьбу.

— Там три тысячи живых людей.

— Ты не знаешь, живы ли они и люди ли они вообще! — Её голос сорвался на крик. — Ты слышал, что докладывала Тали. Сигнал подавляет альфа-ритмы, заменяет их чем-то чуждым. Ты сам назвал это терраформированием сознания. Если мы спустимся туда, мы станем частью этого... улья. Ты этого хочешь? Хочешь, чтобы твоя команда превратилась в послушных марионеток инопланетной программы?

Логвин встал. Он был на голову выше Миры, но сейчас чувствовал себя карликом, пытающимся удержать падающую гору.

— Я не брошу людей, — повторил он упрямо. — Это мой груз. Я за него отвечаю.

— Твой груз уже потерян! — Мира почти кричала, и голос её эхом отдавался от переборок. — Контракт выполнен! Мы доставили их сюда, как того требовал этот чёртов пророк. Юридически мы чисты. Мы можем уходить хоть сейчас!

— Юридически? — Логвин горько усмехнулся. — С каких пор ты прячешься за юрисдикцию? Ты всегда плевала на законы.

— Я плюю на законы, но не на свою жизнь! И не на твою! — Она вдруг схватила его за руку — жест, совершенно не свойственный ей. — Прошу тебя, Логвин. Десять лет мы латаем это корыто. Десять лет мы выкручиваемся. А теперь ты хочешь угробить всё ради людей, которые сами выбрали свою судьбу? Они пошли за безумцем. Это был их выбор.

— Выбор, сделанный под влиянием харизматичного лидера и, возможно, под воздействием того же сигнала, который сейчас обрабатывает их мозги, — тихо сказал Логвин. — Ты правда веришь, что это был свободный выбор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.